

Ставрополье, степь да буераки
Пыльные окопы у реки.
Залегли в них жадные до драки
За свою свободу батраки.

А навстречу бьёт огонь летучий,
Так что не поднимешь головы
От родной, хрустящей и колючей,
Высохшей без времени травы.

А за этой речкою степною,
Прикрываясь быстротой её,
Замерло под жёсткою травною
Чёрное от злобы кулачьё.

Комиссар, когда пора настала,
Маузер тяжёлый обнажив,
Прошептал: «Во что бы то ни стало
Отобьём у гадов рубежи».

Приподнялся и упал без крика.
В этот миг рванулся в полный рост
Парень, подпоясанный, как лыком,
Лентой пулемётной вперекрёст.

А когда пришло победы чудо,
К парню подошли бойцы, теплы:
— Как тебя зовут?
— А ты откуда?
— Звать Григорьем. Я из Кевсалы...

Много дней нелёгких пролетело,
Отгремело много битв, пока
Стал отец высоким, загорелым
Комиссаром красного полка...

Я его запомнил вот такого:
Не в уют домашний, не в тепло —
С визой ставропольской совпартшколы
Прибыл он в далёкое село.

Он к покою все пути обрезал
И забот своих не позабыл,
Сколько уходил из-под обрезов,
Сколько поджигателей словил!

Всё белее, словно от мороза,
Становились у отца виски,
Но рождались и росли колхозы,
Поднимались к жизни бедняки.

И опять дороги, переходы,
Каждый раз туда, где жарче бой.
Где он только не был в эти годы —
Партии великой рядовой.

...Я запомнил утро голубое,
Пионерский лагерь у реки.
Подошли нестройною толпою
К берегу крутому топольки.

Я ногами босыми протопал
По тропинке узенькой туда,
Где следы забытого окопа
Заросли травой навсегда.

Было тихо. Было очень тихо.
Но уже гудели над страной
Бомбовозы, чёрные, как лихо,
Кровь и муки сея за собой.

И шинели скручивая в кольца,
За свою свободу на войну
С песней уходили комсомольцы,
Но теперь уж в сторону одну.

А к врачам ломились ветераны,
Требовали годности сполна.
Старые показывали раны
И с войны гражданской ордена.

О покое не хотели слышать,
Право их попробуй отними:
«Мы Климент Ефремычу напишем,
Он вас пропесочит, чёрт возьми!

Мы когда-то вместе воевали
И теперь не хуже молодых!»
И врачи позиции сдавали
Перед бурей доводов таких.

И на фронт летело продолженье
Биографий, верных до конца...
Я припомнил это в день рожденья
Коммуниста — моего отца.

С каждым утром тяжелее росы,
Дни яснее, гуще синева.
На лесные, сизые покосы
Облетает жёлтая листва.

Вянет паутина над полями,
И такую Родина встаёт,
Что о ней не выскажешь словами,
Поглядишь — и сердце захлестнёт.

Журавли едва заметной цепью
Пролетают наши города.
Ходят овцы, и гудят над степью
С хлебом ставропольским поезда.

Даже странно говорить об этом:
«Он убит». Тогда как жизнь его
В ясности осеннего рассвета
Дорогого края моего.

В свежести цветов его и листьев,
В шелесте пшеницы и воды,
Что летит с отрогов каменистых,
Наполняя влагою сады.

«Он убит». Но в радости и в горе
Говорит и действует со мной,
Истину отстаивая в споре,—
Партии великой рядовой.

«Я вернусь. Ты верь в мою удачу.
Ну, а если всё же не вернусь,—
Ты не плачь.
Мужчины, брат, не плачут,
Перед одиночеством не трусь...»

Я не знал трусливых колебаний,
С совестью своею не был врозь,
Хоть немало тяжких испытаний
Повстречать мне в жизни довелось.

Ну, а если так случится — струшу,
Другу своему не помогу,
От людей, как дверь, захопну душу,
Ради личной выгоды солгу.

Не пойду в дорогу ночью мгlistой,
Чтоб помочь товарищам своим,—
Пусть меня поправят коммунисты —
Побратимы кровные твои.

В час, когда пойду я на попятный,
Пусть мои ошибки принесут
На партийный, неліцеприятный,
Непреклонный и правдивый суд.

Родина!
Отныне и вовеки
В трудной человеческой судьбе
Всем, что есть родного в человеке,
Я обязан именно тебе.

Там, где есть, в краю ли отдалённом,
Я всегда, любимая, с тобой,
В труд и в человечество влюблённый,
Партии великой рядовой!

Февраль 1956.